

**БОРИС ПАСТЕРНАК И МИХАИЛ МАЛИШЕВСКИЙ:
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

© 2017 г. А. Ю. Сергеева-Клятис

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9
nnkltsl@gmail.com

**BORIS PASTERNAK AND MIKHAIL MALISHEVSKY:
ON THE HISTORY OF THEIR RELATIONS**

© 2017 Anna Yu. Sergeeva-Klyatis

Doctor of Philological Sciences, Professor of the M.V. Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
nnkltsl@gmail.com

Статья восстанавливает историю взаимоотношений Бориса Пастернака с Михаилом Малишевским, который остался в истории литературы скорее не как поэт, а как исследователь стиха. Впрочем, в 1950-е гг. Малишевский печатался именно как поэт, изобретатель нового литературного жанра, представляющего собой нечто среднее между притчей и басней (“скирль”). Пастернак был знаком с Малишевским: в статье предпринята попытка воссоздать возможную историю их знакомства. В 1929 г. Пастернак был одним из тех, к кому обратился Малишевский с просьбой о рекомендательном письме в ВССП, — он хотел издать сборник своих стихов. Пастернак по ряду причин откликнулся на эту просьбу. Нами предпринята первая публикация этого найденного в архиве ИМЛИ им А.М. Горького РАН документа.

The article recaptures the history of relations between Boris Pasternak and Mikhail Malishevsky, who is remembered in the history of literature as a researcher of the verse rather than as a poet. However, in the 1950s Malishevsky published his own poems; he was inventor of a new literary genre, a cross between a parable and a fable (“skirl”). Pasternak was familiar with Malishevsky. The article attempts to reconstruct the possible history of their acquaintance. In 1929 Pasternak was one of those whom Malishevsky approached for a letter of recommendation for The Writer’s Union — he wanted to publish a collection of his poems. Pasternak granted this request for a number of reasons. We offer here the first publication of this letter, which was found in the archives, belonging to The A.M. Gorky Institute of the World Literature of the RAS.

Ключевые слова: Пастернак, Малишевский, стиховедение, Союз Писателей, книга стихов.

Key words: Pasternak, Malishevsky, prosody, the Writer’s Union, a book of poems.

Дата поступления материала в редакцию 14 апреля 2016 г.

Received by Editor on April 14, 2016.

В 1920 г. в Москву из Ельца приехал поэт, стиховед, а впоследствии дрессировщик М.П. Малишевский, портрет которого колоритно описан в воспоминаниях Ольги Мочаловой: «Он был моложав, голубоглаз, с мягкой, светлой, растрепанной шевелюрой, которую хотелось погладить. Ему свойственна была юношеская хрупкость. Он двигался неторопливо, чуждый суеты, нес с собой веянье тишины. Говорил несколько надтреснутым, силоватым голосом. Писательство жило в нем непобедимо-необходимо. При всех жизненных поражениях, упреках, семейных драмах он говорил:

“Чем бы я ни занимался, какие бы обязанности ни исполнял, — бросить кость этой собаке — обязательно» [1, с. 79]. В 1925 г. иждивением автора была издана книга Малишевского “Метротоника. Краткое изложение основ метротонической междуязыковой стихологии”. Это была первая часть так никогда и не увидевшей свет тетралогии. Последующие части должны были носить названия, связанные с ритмикой, эвфонией и гармонией. Мысль Малишевского была направлена на сближение искусства поэзии с музыкальным искусством. Свою теорию он представлял не только в книге 1925 года, но

и в диссертации, защищенной им в ГАХН 20 июня 1929 г.¹ В ней содержался ряд радикальных положений. Поэзию Малишевский считал не словесным и не языковым творчеством, а сближал ее с вокальным искусством. Текст, в свою очередь, — с нотным листом. В книге он выводил законы долготы и силы слога и предлагал целую терминологическую систему, позволяющую фиксировать малейшие движения в стихе. “Поэтическим сольфеджио” назвали систему Малишевского ее исследователи. “Весь анализ у Малишевского строится на закономерностях звучания поэтического текста. Анализ силлабических и силлабо-тонических стихов с этой точки зрения дает картину стилевого развития. Мы как бы проникаем в лабораторию звукового воплощения смыслов. Это не просто перенесение музыкальной терминологии в стиховедение, а возвращение поэзии к звуковым истокам, из которых она возникла и вне которых не существует” [2, с. 15]. В дальнейшем Малишевский не имел возможности развивать свою теорию и пропагандировать ее, однако во многом предвосхитил не только поэтические, но и композиторские поиски второй половины XX в. «Писал он, — вспоминает О. Мочалова, — всегда, превращая ночь в день и день в ночь. Он, единственный в Москве из аспирантов ГАХН, сдал в срок работу. Это была стиховедческая работа, где теория стиха была связана с теорией музыки. «Слово “интонация” вы лучше в моей комнате не произносите, — сказал он мне. Не знаю цены этой книги. Но настоящей оценки она не получила вообще, так как для критика требовалось доскональное знание теории музыки, стиха, философии, и такого не нашлось» [1, с. 82].

Малишевский занимался как стиховой теорией, так и практикой. В 1924 г. в альманахе “Перевал” были опубликованы три его стихотворения, изобличающие одаренного и склонного к эксперименту автора. Вот одно из них:

В упаковочной.

Меня здесь много, там и тут,
Бессменно предстоящих,
И каждый день меня берут
И складывают в ящик.
А я верчусь, как под ножом,
Болею и линияю,
И вновь собой отображен,
И снова замираю.

¹ Диссертация назвалась “Материал поэзии как искусства. Состав, свойства, движение и значимость материала поэтического произведения. (Введение в элементарную теорию поэзии). Принципиальное исследование физической и социальной природы элементов материала поэтического произведения”.

Активные попытки Малишевского издать сборник своих стихов относятся в конце 1920-х гг. Им был составлен машинописный сборник стихотворений “Стихи. 1919—1929”, в предисловии к которому декларировалось следующее: “Ученичество следовало преодолеть. Теперь мое творчество требует общественного вмешательства. Среда, воспитание и действительность позволили мне дать только такой и никакой иной сборник. Что-либо скрыть и прикрасить или вовсе не издавать сборника было бы уликой против моей общественной честности. Минимальный тираж достаточен для ознакомления небольшого круга специалистов. Сборник составлен по принципу единого произведения. Каждое стихотворение — слово, каждый отдел — стихотворная строка, каждая часть строфа и книга в целом — одно стихотворение” [3]. А.Л. Соболев (кажется, единственный в мире специалист по творчеству Малишевского) сообщает: «Еще через два года он предпринимает последнюю, кажется, попытку, отправляя в издательство “Федерация” поэму (или балладу) “Sic transit” — текст ее не сохранился...» [4, с. 220].

Судя по незаурядной жизненной активности, не раз проявленной Малишевским в предшествующий период его деятельности (А.Л. Соболев замечает: “Карьеры в тогдашней Москве делались быстро, но даже на фоне эпохи академического возвышение Малишевского произошло стремительно...” [4, с. 216]), не было ничего удивительного в том, с каким упорством он добивался издания своих стихов. За рецензией на них он еще в 1923 г. обращался к более или менее влиятельному тогда В.Я. Брюсову. С ним Малишевский был хорошо знаком по Литературной студии Лито НКП, куда был принят практически сразу после своего приезда из Ельца в Москву и вскоре стал ее ученым секретарем. Брюсов давал следующую оценку стихотворным талантам Малишевского: “...т. Малишевский работает и как писатель-художник, и его стихи (пока еще не напечатанные) несомненно заслуживают внимания, как явление незаурядное и как произведения поэта, серьезно относящегося к своему делу” [5]. Интересно, однако, что за поддержкой Малишевский обращается и к людям, заведомо от него далеким, не связанным с ним дружескими или служебными узами. В частности — к Борису Пастернаку.

Точно сказать, где, когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Б. Пастернака с М. Малишевским, невозможно. Однако попробуем осторожно предположить, что их общение было связано с ГАХН, где Малишевский состоял в течение нескольких лет аспирантом,

а потом и защищал свою диссертацию. Пастернак бывал на мероприятиях ГАХН, был хорошо знаком с президентом ГАХН П.С. Коганом. Вероятнее всего, знакомство между Пастернаком и Малишевским произошло раньше, в самом начале 1920-х гг. в Лито Наркомпроса, с которым Пастернак сотрудничал, в том числе и благодаря личным отношениям с В.Я. Брюсовым. Д. Петровскому он писал в письме от 12 января 1921 г.: «Меня очень любят там, зеленейшая молодежь начинает мне подражать, делает из меня метра. Поправлюсь: речь идет только о той молодежи, которая не ловится на удочку громких слов, выступлений, популярности, признанности и так далее» [6, т. 7, с. 360]. Мы не можем судить, насколько Пастернак включал в число этой независимой молодежи и Малишевского, однако о внутренней свободе последнего остались кое-какие свидетельства. А.Л. Соболев приводит дневниковую запись Малишевского от 9 мая 1920 г., в которой он описывает свой прием в Литературную студию Вяч. Иванова: «Я умышленно захватил 6 стихотворений. Сам отказался, читал Э. очень хорошо: “Лето”, “Отравленья” и “Последний день”. Прочитав “Лето”, “судьи” спросили: сознательно ли я относился, писав, к ритму? Сказал — да. Кто-то спросил: сознательно ли сочетал в “Отравлении” начало строк? Да. Кого люблю из поэтов? — Особенно никого. Как так? Ну, Бальмонт нравится? Да. Блок? Да. Пушкин? — Определенной других. Тютчев? Тоже. Ну, а Игорь Северянин? (Я понял. Подвох, но нарочно говорю:) Да, когда учит. Общее недоумение. Э. спрашивает “Вячеслав Иванович, кажется Игорь Северянин менее других может учить!”. Я поясняю, что он мне дает много своей дерзостью в словообразовании хотя бы» [4, с. 215]. Как видим, независимость взглядов и умение не пасовать перед авторитетами были не наигранными, а вполне органическими качествами Малишевского в самом начале его литературной деятельности.

Пастернак был (невозможно судить, насколько глубоко) знаком с опытами Малишевского в области стиховедения, читал его стихи. Стоит предположить, что личность Малишевского, человека яркого и талантливого, болеющего за свое дело, очевидным образом не встраивающегося в идеологический мейнстрим литературы 1920-х гг., была симпатична Пастернаку. Кроме того, интерес Малишевского к музыке, его известность в узких кругах как импровизатора (О. Мочалова свидетельствует: “Были у него и дополнительные способности — музицирование на заданную тему” [1, с. 82]), возможно, тоже были

Пастернаку небезразличны, связывались в его сознании с личными биографическими обстоятельствами. Возможно, кое в чем Пастернак видел совпадение собственных взглядов на поэзию со взглядами Малишевского. В частности, процитированное выше вступление Малишевского к своему поэтическому сборнику, почти точно повторяет известные пастернаковские мысли о цельности поэтической книги как единого произведения. “Сестра моя жизнь” явилась наиболее совершенным практическим воплощением этих мыслей. «В то лето, — резюмирует Е.Б. Пастернак, — Пастернак пережил “чудо становления книги”, как он назвал это впоследствии, ведя отсюда начало своей литературной биографии. Он считал, что в современной поэзии после Блока отдельные стихотворения не имеют смысла, ценность представляет только книга стихов, создающая особый мир, со своим воздухом, небом и землей. “Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести — и больше ничего”, — писал он именно об этом. Книга принципиально отличается от сборника, включающего написанные по разным поводам вещи, может быть, даже и объединенные хронологической близостью, но лишенные единства взгляда, чувства и дыхания» [7, с. 306]. Думается, что в руках Пастернака был тот же самый машинописный сборник, который Малишевский подготовил для издания как раз к концу 1929 г., включив в него свои стихотворения за последнее десятилетие. Авторское предисловие да и сама прихотливая структура сборника, работающая на его цельность как книги стихов², могли произвести на рецензента впечатление близости позиций, хотя сами стихи вряд ли могли понравиться Пастернаку. В отличие от стиховедческих работ Малишевского, его поэтическое творчество не производит целостного и самостоятельного впечатления.

В любом случае, Пастернак счел возможным, вероятнее всего, по личной просьбе Малишевского, написать письмо в ВССП с рекомендацией издать собранную в 1929 г. книгу его стихов. Приводим текст этого документа полностью:

«М.П. Малишевский — человек со своим собственным, особо продуманным и глубоко пережитым отношением к поэзии. Пока не опубликованы его работы и пока они не испытали в публикации всех тех превратностей, без которых никакая поверка творческого полаганья

² Сборник Малишевского делится на два раздела: *А* и *В*. Внутри раздела *А* выделяются циклы: 1. Квадрильоны; 2. Уклад; 3. Волшебная земля; 4. Невидадь. Внутри раздела *В* тоже четыре цикла: 5. Эдем; 6. Фикции; 7. Катарзис; 8. Дифирамбы.

немыслима, можно судить лишь об отправных точках его поэтической мысли, и мне кажется, что незаурядная тонкость некоторых вещей, открытых автору, что-то обещает. Это один из тех, по своему типических, но не столь уж многочисленных случаев, которые не годится оставлять в стадии спорности и не разрешенного гаданья. Изданию сборника ни с какой стороны препятствовать не следует. Сказанное в особенности применимо к “Балладам” Малишевского, чрезвычайно подлинным и интересным. 22/ XI-29 г. Борис Пастернак» [8]. Письмо было принято в дело с входящим номером 665/39 и перепечатано на машинке с большим количеством орфографических и пунктуационных ошибок, воспроизводить которые считаем здесь излишним (автограф утрачен). Документ заверен надписью секретаря ВССП 6/XII-29 г. и печатью³.

Не совсем понятно, что называл Пастернак “балладами” применительно к творчеству Малишевского. В машинописном сборнике, который был составлен поэтом в 1929 г. и подарен С.В. Шервинскому, ни раздела “Баллады”, ни поэтических текстов, точно подходящих под это жанровое определение, нет. Возможно, Пастернак читал какие-то другие стихи, но об этом мы сведений не имеем.

Обсуждая причины, по которым Пастернак взялся ходатайствовать за своего собрата по перу, назовем, как нам представляется, главную. Несмотря на проблемы с публикациями собственных произведений, с которыми Пастернаку пришлось столкнуться в 1920-е гг., он все же ощущал себя не просто состоявшимся поэтом, но поэтом с большим именем и большой судьбой, чего, конечно, о Малишевском сказать было никак нельзя. Скрепя ли сердце или вполне искренне — Пастернак, не входивший в литературную номенклатуру, не имевший прямых рычагов воздействия на руководство СП, все же пытался помочь.

Как мы знаем, однако, заступничество Пастернака ни к чему не привело. Сборник стихов, подготовленный Малишевским, так и не был издан.

³ Благодарю за ценное указание на имеющийся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН документ Леонида Михайловича Видгофа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мочалова О. Голоса серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2004. 304 с. [Mochalova, O. *Golosa serebrianogo veka* [Voices of the Silver Age]. Moscow, 2004. 304 p.]
2. Бирюков С.С., Бирюков С.Е. Проективные теории русского авангарда: музыкально-поэтический аспект // *Studia literaria Polono-Slavica* — 3. Warszawa, 1999. [Birjukov, S.S., Birjukov, S.E. [Projective Theories of the Russian Avant-Garde: Music and Poetic Aspect]. *Studia literaria Polono-Slavica* — 3. Warszawa, 1999.]
3. Малишевский М.П. «Стихи 1919–1929». Сборник. С дарственной надписью С.В. Шервинскому от 19 декабря 1929 г. // РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 668. [Malishevskiy, M.P. “*Stikhi 1919–1929*”. *Sbornik. S darstvennoi nadpisju S.V. Shervinskomu ot 19 dekabria 1929 g.* RGALI. F. 1364. Opis’ 3. D. 668 [“Poems of 1919–1929”. Collection. Inscription to Shervinskiy, S.V. of December 19, 1929. RGALI. Fund 1364. Inventory 3. Case 668].]
4. Соболев А. Чанг в беде // Белый ворон: Литературный альманах. Екатеринбург; Нью-Йорк, 2013. С. 214–222. [Sobolev, A. [Chang in Trouble]. *Belyi voron. Literaturnyi al'manakh* [The White Raven. Literary Miscellany]. Ekaterinburg — New York, 2013. P. 214–222.]
5. Брюсов В.Я. Рецензия на стихи М. Малишевского (1923 г.) // ОР ИМЛИ РАН. Ф.157 (ВССП). Оп. 1. Ед.хр. 264. Л.31. [Briusov, V.Ya. *Retsenzia na stikhi M. Malishevskogo (1923 god). Otdel Rukopisei IMLI RAN. F.157 (VSSP). Opis’ 1. Ed.khr. 264. L. 31* [Malishevskiy, M.’ Poems’ Review (1923). Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature of the RAS. Fund 157 (VSSP). Inventory 1. Storage Unit 264. Sheet 31].]
6. Пастернак Б.Л. Полн. собр. сочинений: В 11 т. М., 2003–2005. [Pasternak, B.L. *Polnoe sobranie sochineniy: V 11 tomah* [Complete Works in 11 Vols.]. Moscow, 2003–2005.]
7. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989. 688 с. [Pasternak E.B. *Boris Pasternak. Materialy dlia biografi* [Boris Pasternak. Biography Materials.] Moscow, Sovetskii Pisatel Publ., 1989. 688 p.]
8. Пастернак Б.Л. Рекомендательное письмо в ВССП об издании сборника стихотворений М. Малишевского // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 157 (ВССП). Оп. 1. Ед.хр. 264. Л. 30. [Pasternak, B.L. *Rekomendatel’noe pis’mo v VSSP ob izdanii sbornika stikhotvorenij M. Malishevskogo. Otdel Rukopisei IMLI RAN. F.157 (VSSP). Op. 1. Ed.khr. 264. L. 30* [A Recommendation Letter to the VSSP concerning the Publication of Malishevskiy, M. Collected Poems. Manuscripts Department of the Russian Literature Institute of the RAS. Fund 157 (VSSP). Inventory 1. Storage Unit 264. Sheet 30].]